

пацифист. Врала и те и другие. Иствуд — не «фашист» и не «гуманист». Он — режиссер: честно, как снайпер, смотрит на мир. Его казус повторяет казус Луи Маля, ославленного «фашистом» за «Лакомба Люсьена» (1974), клиническую хронику превращения сельского парубка в гестаповца. Бесстрастность режиссера, никак не синонимичная бесстрастности героев — с ними, в конце концов, никто не обязан себя идентифицировать, — рискованная опция. «Снайпер» рискует быть понятым и как гимн слепой военной мощи, и как ее обличение.

Иствуд смотрит в «прицел» на войну. Любая война, какой бы подлой она ни была, отменяет любую рефлексию. Актуальны лишь рефлексы: кто выстрелит первым, тот и прав. Было бы смешно, если бы «морские котики» в бреду Ирака осмыслили подлость и бессмыслицу войны, на которой умирают. Героям соцреализма это было бы клику, а в жизни все просто: «Парни! Обезвредьте этого варвара! Возьмите его за жопу!»

Любая война монотонна, но монотонность войны, за время которой успевают подрасти дети, сюрреалистична. Каждый новый выезд Криса на фронт — липкое дежавю. Опять, как и год, и два назад, врывается в какой-то дом, опять избиваешь хозяина, учтиво именуя его «сэр», опять попадаешь в засаду, упускаешь свою «дичь», умираешь и улетаешь в отпуск. И вот уже штабист с проницательным взглядом информирует: эксперты считают, что единственный шанс победить — строительство стены между хорошими и плохими парнями, вот только ее никак не построить, поскольку плохие цинично отстреливают строителей. Стена, она же — фронт, она же — железный занавес: сквозной мотив американской истории. А Иствуд, чего никто не замечает, только тем и занимается — не оповещая об этом весь мир, как Оливер Стоун, — что ведет летопись американской истории. От «Джоси Уэйлса — человек вне закона» (1976) до «Флагов наших отцов» (2006) и «Дж. Эдгара» (2011). От «Перевала разбитых сердец» (1986), «Птицы» (1989) и «Белого охотника, черного сердца» (1990) до «Полночи в саду добра и зла» (1997) и «Подмены» (2008). В общем-то, и великий Джон Форд, с которым Иствуда сравнивают уже автоматически, тоже был летописцем вечной войны во имя вечного мира, которую Америка ведет прежде всего со своей собственной мечтой.

Главный вопрос «Снайпера» — зачем эти парни пришли на эту войну, как пришли бы, не задумываясь, на любую другую. Иствуд отвечает на него на языке не манифеста, но изображения. Вроде бы чередующиеся сцены батальи и мирного быта Криса в увольнительных контрастах. Крис поносит обывателей, озабоченных одним лишь шопингом, знать не желающих, что их страна воюет: это мы уже слышали, это такая ветеранская автотерапия. На самом деле потребительское, маскулинное, агрессивное самодовольство Техаса, малой родины не только Криса, но и обоих президентов Бушей, предполагает кошмар Ирака. Не для того же, чтобы его сын никого в жизни не убил, отец Криса, священник, объяснял детям, что люди делятся на «овец, волков и овчарок», и кто не овчарка — тот не человек.

Мы говорим «Техас», подразумеваем «Даллас». То есть убийство Кеннеди, сделавшее само слово «снайпер» синонимом безликого кошмара Америки. Иствуд работал с этим кошмаром. В «Грязном Гарри» (1972) его герой охотился за снайпером-садистом, а «На линии огня» (1993) терзался тем, что не уберет Кеннеди, но любой ценой обязан спасти от безумного стрелка Буша-старшего. Реабилитирует ли ныне Иствуд фигуру снайпера или уравнивает условного «Ли Харви Освальда» с Крисом?

Иствуд — метафизик. О Жорже Гинемаре, неуязвимом французском асе Первой мировой, ходит такая легенда. Бойцы его эскадрильи уверились, что этот ангел смерти выживает за счет жизни своих однополчан, и составили против него смертоносный заговор. Крис напоминает Гинемара: в каждой из операций погибает тот, кто рядом с ним, а он неуязвим.

Иствуд не показал, хотя и снял эту сцену, как ветеран Крис застрелил двух угонщиков: это было бы слишком в духе «Грязного Гарри». Не показал — ограничившись лаконичным титром, более красноречивым, чем любая реконструкция, — гибель самого Криса, расставившую точки над «i». На гражданке Крис посвятил себя реабилитации инвалидов-ветеранов. Его терапия заключалась в совместных выездах на стрельбища. На таком вот выезде один подопечный Криса застрелил и его, и его друга, объяснив, что, если бы он не убил их первым, они бы убили его.

Логика безупречная: родина научила своих снайперов: убей, если не хочешь быть убитым.

В прокате с 5 марта

